

Потребовалось много времени, чтобы наконец добраться до Красного замка, особенно когда Арья часто задерживала группу, чтобы указать отцу на кузнеца с мечами, инкрустированными драгоценными камнями, или на прилавок, в котором продавались животные, вырезанные на куски сыра.

Ее шея болела от того, что ее хлестали туда-сюда, она пила среди толпы людей и зданий из песчаника, как умирающий человек, утоляющий жажду. Она смотрела на полчища богато одетых мужчин, затащенных в комнаты полуодетыми женщинами, и когда один пожилой мужчина с выпавшими зубами подмигнул ей, слегка помахав рукой, отец быстро остановил ее, чтобы она не помахала в ответ, и твердо сказал ей: никогда никому не доверять в столице. Она чуть не рассмеялась над его серьезностью.

Королевская Гавань напомнила ей лоскутное одеяло, которое Старая Нэн сшила ей, когда она была маленькой. Это было довольно отвратительно, беспорядок из сотен различных квадратов с тысячей различных узоров, опасно сшитых вместе. Санса сморщила нос, но Арье это очень нравилось. Он все еще валялся над ее кроватью в Винтерфелле, обтрепанный по краям и пропитанный запахом дома.

Город был таким же хаотичным, миазмами личностей и культур, тонко сшитых воедино нитями общества. В нем было определенное очарование, видимое только тому, кто процветал в беспорядке. Он не был красивым или особенно чистым, но тем не менее Арья нашла его очаровательным.

Спустя целую вечность они, наконец, стояли перед открывающимися воротами, и Арья скрыла вздох за кашлем, взглянув на Красный Замок во всей его полноте.

Он был красным, как кровь, и ей пришлось вытянуть голову, чтобы увидеть самый его кончик. Двор, в котором они спешили, был усыпан цветами, и только в этом маленьком пространстве она насчитала двенадцать различных видов. За кустами стояли золотые арки, открывающиеся в широкие коридоры, которые тянулись по краям двора, белый мрамор расстилался по полу, как нежные облака. Если бы она посмотрела вверх, то увидела бы ряды и ряды решетчатых окон, замысловатые узоры и детали, превосходящие все в Винтерфелле.

Ее блуждающий взгляд был прерван приближением женщины с бронзовым поцелуем в золотых шелках, которые мерцали, как вода, при каждом ее шаге. У нее были темные волосы, собранные на макушке и обрамленные тонкой короной, украшенной сверкающими рубинами. Позади нее небольшая толпа слуг покорно шла вперед, торопясь к своим тележкам с багажом и присматривая за лошадьми.

Их отец шагнул вперед и преклонил колено, и она последовала его примеру с глубоким реверансом. Арья подняла голову и увидела женщину, стоящую перед ними, на ее нежном лице расплылась яркая улыбка.

«Мой лорд Старк, пожалуйста, встаньте. Мы польщены вашим визитом», — объявила она царственным тоном. Должно быть, это принцесса Рейнис, вспомнила она из уроков. Арья подумала, что она, возможно, одна из самых красивых людей, которых она когда-либо видела в своей жизни, и внезапно почувствовала смущение из-за своих грязных бриджей и взлохмаченных волос. Поднявшись с реверанса, она незаметно провела рукой по своим локонам, чтобы пригладить их. Это мало помогло, поэтому она быстро сдалась.

Не похоже, чтобы принцесса все равно заговорила с ней после этого, так какой смысл впечатлять ее?

«Ваше Высочество, вся честь принадлежит нам», — покорно ответил Эддард Старк. Он слегка улыбнулся ей, прежде чем повернуться к своим детям. «Позвольте представить моего младшего сына Рикона и младшую дочь Арья». Он отступил назад, давая им возможность пройти вперед.

При представлении Рикон и Арья еще раз поклонились и присели в реверансе, и она почувствовала, как ее щеки загорелись, когда она увидела, что ее сапоги насквозь пропитаны грязью, в отличие от изящных сандалий королевской женщины, обмотанных вокруг ее ног. По кивку принцессы Рейнис они снова встали, и Арья, несомненно, незаметно встала позади Рикона, чтобы ее туфли не были видны.

Грохот их вещей гудел в воздухе вокруг них, когда принцесса Рейнис подошла к высокому худощавому мужчине с черными волосами и изможденным лицом.

«Прошу прощения за легкий прием, милорд. Вы один из наших самых выдающихся гостей и заслуживаете более пышного приема», — сказала золотая женщина с достаточным сожалением в глазах, Арья почти сочла ее лесть искренней. «Боюсь, мои братья уехали верхом, а король и королева присутствуют при дворе. Рэндил, — указала она другому мужчине, — проводит вас в ваши комнаты. Сегодня вечером будет пир, милорд, чтобы приветствовать Домов, которые удостоили нас своим присутствием. Вы найдете эскорт, готовый для вас в то время». Она одарила их еще одной теплой улыбкой, и Арье стало интересно, тренируется ли она перед зеркалом каждое утро.

Еще одно почтительное прощание позже, когда она обнаружила, что тащится за Рэндилом через разводной мост со стенами толщиной в двенадцать человек и высотой с Разрушенную Башню. Двое мужчин в блестящих доспехах и белых плащах, ослепляющих, как солнце, привязанных к их плечам, стояли по обе стороны, глядя вперед, когда Арья смотрела на них.

Она резко ударила Рикона локтем в грудь, игнорируя его раздраженное ворчание. — Королевская гвардия, — взволнованно прошептала она ему на ухо. До нее доходили слухи, что где бы вы ни находились в замке, белый плащ всегда будет за углом. Арья не была уверена, было ли это правдой, но она хотела выяснить это до того, как покинет Королевскую Гавань.

— Это королевские покои, — с удивлением сказал Нед, когда они прошли под огромной золотой аркой в другой большой двор.

Рэндил коротко поклонился, прежде чем ответить. «Великие Дома были приглашены разделить покои с Его Светлостью и его семьей в знак уважения и чести, милорд».

Это и остальная часть замка практически захвачены другими, фыркнув, подумала она.

Арье было все равно, останутся ли они в комнате, украшенной драгоценными металлами, или в скромной таверне, хотя последнее было бы намного проще. Мне не нужно было бы все время выглядеть так прилично, размышляла она.

Их апартаменты действительно были украшены золотом и рубинами, мерцающими в лучах солнечного света, проникающего сквозь высокие окна. Ей разрешили иметь отдельную комнату, которую должны были делить Рикон и ее отец. Кровать была достаточно широка, чтобы вместить ее десять человек, и она нежно провела пальцами по покрывалу и поразилась его мягкости. Изголовье и рама были украшены резными изображениями драконьих голов и рун, которых она не понимала, темных, прославленных и гораздо более роскошных, чем она когда-либо видела.

Комната была больше, чем ее собственная в Винтерфелле, и ее глаза смотрели на сцены, нарисованные на белых стенах. Мозаика из цветов и огнедышащих демонов зажгла ее комнату множеством цветов, так сильно отличавшихся от спокойных серых стен ее дома. Она не была уверена, насколько хорошо она будет спать, когда огромный красный дракон смотрит на нее желтыми глазами.

В какой-то момент она забеспокоилась со своим калейдоскопом компаньонов и распахнула дверь. Белый коридор эхом отзывался звенящими звуками каждого ее шага, словно колокола в септе, когда она брела к комнате своей семьи. Она задавалась вопросом, как далеко он улетит и будет ли король слышать ее каждый раз, когда она покидает свою спальню.

Осторожно постучала в дверь, она прошипела: «Рикон!»

Ответа не было.

Она заколотила немного сильнее и закричала чуть громче: «Рикон! Открой дверь, это я!»

Долгий миг спустя появился ее брат с затуманенными глазами, в взъерошенной тунике и с непослушными волосами.

— Чего ты хочешь, Арья? он сонно зевнул.

Она окинула его вид острым взглядом. «Ну, я думал, что мы могли бы исследовать замок вместе, но у тебя явно есть более интересные планы». Ее нога нетерпеливо постукивала по полу, ее тело гудело от энергии, которая нуждалась в высвобождении. Они были в столице, доме драконов! Позже будет достаточно времени, чтобы поваляться в постели.

Рикон застонал и протер глаза, выглядя невероятно молодым в тусклом свете своей затемненной комнаты. «Мы можем сделать это позже? Я устал». Он подавил еще один зевок, и волна жалости захлестнула ее.

Она мягко улыбнулась и потянулась, чтобы взъерошить его каштановые волосы. Рикон может быть ребенком в семье, но он возвышался над ней уже в свои десять лет, почти не замедляясь. «Конечно. Иди отдыхай, братишка».

Когда дверь тихо захлопнулась, она развернулась на каблуках и практически вприпрыжку побежала по коридору.

В каком-то смысле это было похоже на сон. Она избегала самых оживленных коридоров, предпочитая прогуливаться по пустым переходам, залитым золотыми оттенками, с пламенем фонарей, танцующих вдоль стен. С каждым шагом бледно-красный камень все меньше походил на кровь и все больше походил на цвет заката, мрамор под ней мягко мерцал, как звезды. Ее рука скользила по стенам, позволяя шероховатости камня касаться кончиков пальцев, когда они ощупывали борозды и трещины на коже замка. Было легко впасть в транс, здесь, среди картин драконов и тишины, мир всего лишь за углом, но каким-то образом на расстоянии целой жизни.

Немного наскучив осмотром достопримечательностей, Арья наконец начала возвращаться в свою комнату. То есть до тех пор, пока она не увидела большую деревянную дверь, слегка приоткрытую в конце коридора.

Там, где у остальной части дворца были замысловатые железные двери, она впервые видела, чтобы они выглядели такими изношенными, и она не могла не открыть их и не заглянуть

внутри.

Ее терпеливо ждала крутая каменная лестница, ведущая в тускло освещенный подвал с неровными каменными стенами по обеим сторонам. Если она немного нагнулась, ей показалось, что она могла увидеть сеть туннелей где-то вдоль дальней стены, некоторые из которых были погружены в кромешную тьму.

Возможно, тоннели с выходом? К потайной двери с секретной комнатой?

На мгновение она закусил губу и подумала об отце. Скоро начнется пир, и ответственная дама тут же захлопнет дверь и тотчас же уйдет, отбросив все глупые мысли о приключениях.

К счастью, Арья Старк редко называли «ответственной леди».

На ее губах играла озорная ухмылка, и, прежде чем она успела подумать об этом, Арья уже спускалась по лестнице, оставив за собой дверь настежь.

Он был выше, чем она предполагала изначально, с потолком почти в два раза больше, чем в ее спальне, но вдвое меньше ширины коридоров. Он изгибался по краям, склоняясь над ней, как зловещее дерево, грозя обрушиться в любой момент. На полу были лужи воды, отражение фонарей дрожало на поверхности, как у одержимого. Ее рука потянулась, чтобы коснуться стены, и тут же отдернулась, когда что-то слизистое покрыло ее пальцы, словно мокрая чешуя.

Она почти подумывала вернуться, когда громкое шипение возле дальней стены привлекло ее внимание. Издалека ей показалось, что она могла видеть две сферы мерцающих зеленых бликов, падающих на нее из клубка черного меха, наполовину обглоданные уши, торчащие под странными углами.

— Ну, разве ты не хорошенькая, — проворковала Арья коту, слегка наклоняясь и протягивая руку. «Ты не должен быть здесь, запертым вот так!» Она медленно подошла к животному, шепча успокаивающие слова его напряжённому состоянию. — Иди сюда, малыш, я возьму тебя с собой!

Кошка немигающими глазами смотрела, как она подкрадывается ближе, ее щетина вздыбилась и задрожала. Когда она была в шаге, он вдруг с воем рванул к одному из многочисленных туннелей, выстроившихся вдоль стены.

Вопреки здравому смыслу, Арья последовала за ним, не желая оставлять его позади. Она могла принадлежать кому-то во дворце, кто мог подумать, что она мертва, а не безнадежно затеряна под землей! Эта мысль сделала ее грустной. Если бы у нее был собственный питомец, она бы хотела, чтобы кто-нибудь пробрался и за него через мерзкую воду.

"Я не причиню тебе вреда!" — крикнула она крошечному черному пятнышку, когда побежала за ним. "Вернись!" Она огибала угол за углом, почти не обращая внимания на то, куда шла, кроме как на то, чтобы поймать черного ублюдка.

В какой-то момент ее грудь начала сжимать, и она была вынуждена остановиться. Задышавшись, она уперлась руками в колени, с уколом сожаления отметив, что кота давно нет. Возможно, вместо этого ей следует разослать известие по дворцу, чтобы король послал людей на его поиски. Бедняжка испугалась до смерти.

Она посмотрела вниз и вздохнула. Края ее ботинок были толстыми от грязи, и она поморщилась, увидев грязные пятна от воды на ее бриджах для верховой езды. Ее волосы были

вьющимися от пота и влаги и прилипли к промокшему лбу. Едва ли она была в состоянии пройти долгий путь обратно в свои покои и молча молилась, чтобы снова не столкнуться с принцессой. Она не хотела, чтобы она думала, что она грязное создание, да еще и заброшенное.

Тихо выдохнув, она развернулась на каблуках, чтобы вернуться к двери подвала.

- когда внезапный порыв сильного ветра с конца туннеля ударил ее, и она была вынуждена закрыть глаза, чтобы защитить их от летящей пыли. Он лизнул ее волосы и порезал щеки, а когда она почувствовала, как он стихает, она снова открыла глаза и заметила, что в ее видении почти ничего не изменилось, ее мир все еще был погружен во тьму.

Мгновение спустя Арья с ужасом осознала, что фонари погасли, и она потерялась в сокрушительной темноте, не зная, как вернуться.

О, нет. О нет, нет, нет, этого не может быть!

Удар страха пронзил ее сердце и пополз по венам ледяными змеями. Ее тело билось от истерики, и она поняла, что никто больше не знает, что она здесь. Чернота прижалась к ней, окутывая ее кровотокающей хваткой и поглощая ее целиком. Она слышала, как кровь приливает ей к голове, звук ее отчаянных волн ударялся о ее уши, заглушая невыносимую тишину.

Она никогда не чувствовала себя более одинокой.

ooo

Джон побрел в свою комнату после прощания с Эйгоном.

На обратном пути из конюшен они старались избегать шумных коридоров, не желая, чтобы гости отца увидели королевских принцев в пропитанных потом туниках в полном беспорядке. В конце концов, нужно было поддерживать образ.

Джон ненавидел, сколько людей бродило по королевским покоям, любопытных лордов и дам, которые любили пялиться и вторгаться, как будто его семья и их дом были их правом наслаждаться. Он стиснул зубы, вспомнив, как однажды он застал дерзкую даму, бродящую по пустой и неохраняемой спальне Эйгона, с туго смятым в руке куском мелкой одежды его брата.

Они открыто смотрели на него, конечно, без особого стыда. Гораздо больше, чем у Эйгона или Рейниса, как будто он был экзотическим животным для их удовольствия, и они ожидали, что он в любой момент нагадит золотом. Не говоря уже о том, что как только он отвернется, начнется шепот. Те никогда не останавливались.

Он презирал их всех.

Погруженный в свои темные размышления, он почти не заметил свою старшую сестру, прислоненную к двери, с веселым лицом под идеально завитыми волосами.

"Расслабляющая поездка?" — спросила она с искоркой юмора в глазах. «Ты выглядишь так, будто хочешь проткнуть кого-то мечом».

«Я хотел бы проткнуть несколько человек мечом, — саркастически ответил он, замедляясь до полной остановки, — но я боюсь, что причинение вреда гостям короля не одобряется».

Смех Рейнис зазвенел в воздухе, словно музыкальные перезвоны. «Это, конечно, было бы неприятно», — пошутила она. — Хотя не все они плохие, Джон.

Он фыркнул. "Да."

— Даже Старки?

Его тело замерло, когда его глаза впились в нее. Легкая улыбка играла на лице Рейнис, когда оно светилось мягким пониманием.

«Они прибыли меньше часа назад», — сказала она его неподвижному телу, его язык отяжелел и он отказывался отвечать. «Лорд Эддард Старк и двое его детей. Я подумал, что дам вам знать сейчас, на случай, если вы захотите встретиться с ними перед пиром».

Она протянула руку и схватила его за плечо для поддержки. Если ее и беспокоила вонь и грязная грязь с его туники, она этого не показывала. Тем не менее, он был благодарен за ее прикосновение. Было тепло и безопасно, когда он чувствовал себя погруженным в лед.

— Спасибо, — с благодарностью прошептал он, его сердце бешено колотилось в груди. — Я... я быстро искупаюсь и представлюсь. Где они остановились?

«Западное крыло. Последние две двери дальнего правого коридора, остальные — их люди».

Когда он, наконец, остался один в своей комнате, Джон начал действовать. Быстро раздевшись, он побежал к своему шкафу и яростно искал наряд, подаренный ему отцом на восемнадцатилетие. Там была черная туника из шелка, доставленного из Пентоса, материал чувственно колыхался в свете свечи и скользил сквозь пальцы, как вода. Брюки были такие же темные, с кроваво-красной отделкой, мерцающей, как рубины. Это был один из немногих его нарядов, на котором не было символа; ему было неудобно впервые встречаться с семьей своей матери, громко объявив себя драконом. Он осторожно разложил его на своей кровати, прежде чем повернуться к ожидающей его ванне.

Позволив теплой воде очистить кожу и успокоить боль, Джон позволил своим мыслям блуждать.

Лорд Эддард Старк был старшим братом его матери, о человеке, о котором он слышал только слухи. Когда он был моложе, Джон приставал ко всем под солнцем, кто, как он думал, имел информацию о его северной крови, и из скудных ответов, которые он получил, он понял, что его дядя поощрял глубокое уважение на Юге, несмотря на борьбу с северянами. корону более года во время восстания.

Джон не любил думать о войне. Ему не нравилось думать обо всех мужчинах, которые погибли из-за того, что его отец любил его мать. Ему не нравилось думать о том, сколько смерти он нес в своей крови, от убийства бабушки и дяди, которых он никогда не знал, до зверств, совершенных безумным королем.

Особенно ему не нравилось думать о том, как Старки должны презирать его, мальчика, чье имя навсегда связано с их величайшим поражением.

Эддард Старк потерял на войне брата, сестру, отца и лучшего друга. Тогда Джон подумал об Эйгоне и Рейнис, двух самых важных людях в его жизни.

«Я сойду с ума, если с ними что-нибудь случится», — размышлял он.

Это Артур Дейн рассказал ему о том, как Тихий Волк поднял восстание на стороне Роберта Баратеона, но лишь призвал к безопасному возвращению его сестры. Его брат и отец были жестоко казнены, но молодой Лорд требовал справедливости, а не мести. Десятилетнему Джону это не казалось большой разницей, но Королевская гвардия сказала ему, что это совершенно другой мир.

Он задавался вопросом, что за человек должен быть лорд Старк, чтобы быть обремененным такой потерей, и все же нести такую честь на своих плечах, что это произвело впечатление на такого, как великий Меч Утра. Даже Рейегар убрал руку от наказания Севера там, где другие были преданы мечу, решив вместо этого потребовать большой штраф и позволив лорду Винтерфелла вернуться домой с его достоинством в одной руке и останками его семьи в другой.

В его груди вспыхнул огонек гордости. Он делился кровью с таким человеком. Эта мысль сделала его невероятно счастливым. Всю свою жизнь он был окружен драконами, его мир был выбелен огнем и солнцем. Но он был не просто драконом. Он тоже был полувоком. Если Эйгон и Рейнис с гордостью восприняли дикую и змееподобную природу своей материнской семьи, то у него был шанс открыть свою, окутанную ночью и рожденную зимними бурями.

Это был его шанс наконец-то узнать свою мать, женщину, о которой он почти ничего не знал.

Эддard Старк мог презирать его сейчас, но Джон был полон решимости показать ему, что в нем живет волк.

ooo

Ночь еще никогда не была так прекрасна; летнее небо, размазанное полосами темно-фиолетового и звездной пыли, переплетающимися вместе в шедевре неба. Они горели, как его сердце, в груди, пока Джон шел к Западному крылу. Он мельком выглядывал наружу, когда проходил мимо окна, набираясь храбрости у темного священного изображения. Ночь такой красоты не могла вместить таких ужасных вестей, и он изо всех сил держался за эту наивную веру.

Он попытался представить свои первые слова лорду Старку, как делал это уже сотни раз.

«Лорд Старк», — говорил он с глубоким поклоном. «Для меня большая честь познакомиться с вами».

Нет, нет, принц кланяется лорду? Он может подумать, что вы издеваетесь над ним.

«Добрый вечер, лорд Старк. Приятно познакомиться с вами. Я ждал этого всю свою жизнь».

Это было бы слишком остро? Я даже не отправил письмо. Боги, почему это так сложно?

"Дядя Нед!"

Точно нет.

Настолько поглощенный своими мыслями, Джон чуть не пропустил упоминание своего имени.

«Вы видели принца Джона? Он совсем не похож на Таргариена...»

«Я слышал, что он похож на свою мать, правда. В нем нет ни капли дракона...»

Он остановился, все мысли о дяде смыло волнами гнева, бурлившими в его крови. Голоса были совсем рядом, высокие, хихикающие и пропитанные ядовитыми сплетнями.

— ...шлюху Старка, которая его родила? Ты слышал, что она на самом деле была переодетой ведьмой? Вероятно, наложила заклинание на короля, надеясь стать его любовницей...

— ...они дикари, эти северяне. Я слышал, они приносят детей в жертву своим древесным богам...

- ...Они поклоняются деревьям? Какое варварство!

Волны превратились в огненный шторм, и он стиснул зубы, когда раскаленная добела ярость обожгла его кожу. Они приближались, и у него возникло искушение продемонстрировать, каким драконом он на самом деле был. Джон терпел множество гнусных слов о природе своего рождения, но оскорбление мертвой женщины и ее земли — своей земли — с таким полнейшим неуважением заставило его прикусить язык, пока во рту не появился привкус крови.

Особенно громкий и резкий смех одной из девушек прорезал его черную ярость, как мечи в темноте, дав ему момент ясности.

Он был слишком зол, чтобы иметь дело с такими презрительными дамами, и он знал, что скажет что-то, о чем позже пожалеет, не говоря уже о том, что слухи о его гневном распространятся, и ему не нужен еще один слух, связанный с его именем. .

Но они становились все ближе и ближе, и Джон лихорадочно оглядывался в поисках места, где можно было бы спрятаться, чтобы они его не увидели, и он был вынужден заговорить. Двери слева от него были закрыты, а справа...

Там! Как ни странно, дверь в подвал была широко открыта, хотя он и не подумал спросить почему. Голоса были на расстоянии дыхания, поэтому Джон быстро проскользнул внутрь, тихо закрыв за собой дверь.

Он выдохнул, когда услышал, как группа прошла мимо него, хихикая по поводу размера меча сира Джейме Ланнистера. Он подавил желание закатить глаза, рухнув на ступеньку.

Бушующая буря в значительной степени рассеялась, но Джон сделал глубокий прерывистый вдох, чтобы совладать с катящимися облаками, а волны превратились в спокойное зеркало. Он подумал о новом приеме, которому его раньше научил сир Дэрри, о чувстве мощной новой лошади под ним, о запахе свежей травы и морских течениях. Все и вся.

Когда он не почувствовал ничего, кроме прохладного бриза, и не увидел перед своим мысленным взором ничего, кроме спокойного пруда, Джон наконец встал. Он был в хорошей форме, чтобы встретиться с лордом Старком, и если он сейчас поторопится, то может застать его перед пиршеством...

Эхо всплеска, за которым последовало проклятие, привлекло его внимание.

Джон осторожно спустился по лестнице и заглянул в подвал. Фонари мерцали невинно, безмятежно, и никого не было видно.

"Привет?" — неуверенно позвал он.

Ответа не последовало.

Возможно, он вообразил это. Нахмурившись, он повернулся обратно к лестнице -

Еще один отдаленный всплеск, на этот раз громче, за которым последовало еще более взрывное проклятие.

Джон сузил глаза. Должно быть, очередной глупый лорд или леди заблудились, пытаются найти солнечную батарею короля или ящик с вещами Эйгона. У него было искушение оставить их на произвол судьбы, но жалость овладела его сердцем. Немногие судьбы были хуже, чем оказаться в ловушке под Красным замком, и кто бы это ни был, он определенно этого не заслуживал.

Он не мог определить, чей это был голос, но знал, откуда он исходит. Подойдя к дальнему концу стены, Джон снова позвал.

"Алло? Там кто-нибудь есть?"

Его голос эхом разносился по каменным стенам, звеня в бездне. Ответа не последовало. Тихо вздохнув, он подошел ближе к зияющим дырам. Туннели были угнетающе черными, и он вытянул шею, чтобы прислушаться к большому шуму.

Отсутствие света его не беспокоило. Туннели нередко бывают такими темными: сквозняки постоянно приходили и уходили, задувая фонари. Эйгон и он постоянно исследовали секретные проходы, когда были моложе, Рейнис редко присоединялась к ним из-за отвращения к бродяжничеству в сточных водах. Один из туннелей должен был выйти в конце Высокого холма Эйгона, за воротами и Королевской гвардией. Это был их первый раз, когда они увидели город как следует, и Джон с любовью вспоминал тот день. Даже наказание и месячный запрет Королевы покидать Твердыню стоили того. Конечно, это не помешало им вернуться сюда бесчисленное количество раз.

Легкая улыбка тронула его губы при воспоминании, пока третий всплеск — уже ближе — не поднял его голову. На этот раз проклятия не было. Кто бы это ни был, он знал, что кто-то слушает. Он отследил звук до третьего туннеля слева и, глубоко вздохнув, вошел. Если бы он не боялся своих шагов, возможно, ему удалось бы не испортить свой наряд.

Мгновенно тьма заключила его в свои объятия, лаская кожу и шепча ему на ухо. Он проигнорировал его сокрушительное присутствие на своей груди, предпочитая вместо этого продвигаться вперед, снова и снова крича в пустоту без особого ответа.

Он, конечно, знал дорогу наизусть, но по-прежнему твердо держал руку на стене туннеля, его пальцы поглаживали трещины, как старые друзья. Когда он вдруг почувствовал воздух под своим прикосновением, он свернул за угол. Сеть проходов очень напоминала лабиринт со случайными поворотами и изгибами, а иногда и тупиками. Он гордился тем, что знает их всех, несмотря на то, что прошло уже больше года с тех пор, как он посетил их. У Эйгона просто больше не было времени, и Джону не нравилась мысль гулять здесь без него.

Всплеск под его ногами становился громче, лужи воды становились глубже, и он сморщил свой звук, когда его нога полностью погрузилась в воду. Шум разносился по туннелям, достаточно громкий, чтобы разбудить мертвых. Как только Джон открыл рот, чтобы еще раз окликнуть таинственного незваного гостя, он услышал хлюпанье прямо перед собой и резкий вздох примерно в двух метрах от него.

Он моргнул. — Эм, привет?

Наступила тяжелая пауза, прежде чем запыхавшийся женский голос ответил: «Что вам нужно?»

Джон был ошеломлен ее присутствием и ее вопросом. «Что мне нужно? Я здесь, чтобы помочь вам. Вы заблудились, миледи?»

«Нет, я люблю бродить по подземным туннелям в крошечной тьме. Это действительно развлечение», — сухо сказал голос. — А ты как думаешь, глупый?

Наглость! — Следи за манерами. Ты разговариваешь с принцем, — отрезал Джон.

— О, как ужасно с моей стороны, — пробормотала женщина с сарказмом в голосе. — Я бы сделал реверанс, ваша светлость, но, к моему крайнему ужасу, вы этого не увидите.

Джон закатил глаза. У нее был язык, у этой. Однако ее голос звучал напряженно, и ему стало интересно, как долго она здесь пропадала. Он хотел возразить, но ссориться здесь и сейчас казалось неправильным. Кроме того, время шло, а ему еще предстояло встретиться с лордом Старком — если от него еще не воняло дерьмом.

— Тебе не обязательно делать реверанс, — вместо этого предложил он. — Я могу помочь вам выбраться отсюда, миледи. Дайте мне вашу руку.

Он выжидающе потянулся, но, когда она не пошевелилась, демонстративно прочистил горло. "Пожалуйста?" — нетерпеливо подчеркнул он.

— Если ты здесь, чтобы помочь, то где твой фонарик? Немного странно бродить в темноте, — громко сказала она с оттенком подозрения.

Джон фыркнул. "Я мог бы сказать то же самое о тебе. Где твой факел?"

— У меня его нет. Разве это не очевидно? — покровительственно заявила она. У него было ощущение, что если бы он увидел ее, она бы уперлась руками в бедра и смотрела на него.

Он подавил желание застонать.

«Я не думал, что найду кого-нибудь настолько глупого, чтобы заблудиться в туннелях, поэтому я не принес с собой фонарик», — ответил он, теряя терпение. — А теперь, миледи, не будете ли вы так любезны взять меня за руку, я не хочу проводить здесь остаток вечера. Он снова протянул руку.

Вместо того, чтобы почувствовать ее прикосновение, он услышал небольшой всплеск, когда она сделала медленный шаг назад. Ее дыхание, казалось, участилось, и замешательство омрачило его лицо.

"Моя леди-"

«Мой отец говорил мне никогда никому не доверять в Королевской Гавани. Вы ожидаете, что я поверю, что принц случайно оказался в подземных туннелях, нашел девушку в темноте и предложил ей помощь, не имея при себе факела. так что я не могу видеть его лицо?» — резко прошептал ей тихий голос, страх и гнев пронизывали ее слова. — Насколько я глуп, по-твоему?

Он слышал, как ее ногти царапали стены туннеля, пытаясь найти хоть что-нибудь, чтобы защитить себя. Она отошла от него еще на несколько шагов, и он не сомневался, что стоит ему

сделать малейшее движение, как она убежит, возможно, потерявшись еще больше, чем уже была.

Джон стиснул зубы и раздраженно провел рукой по лицу. Что ж, она не ошиблась. Он действительно мог быть кем угодно. Было немного подозрительно, что сын короля окажется здесь перед грандиозным пиром, но у него едва ли было время (или силы), чтобы убедить эту параноидальную женщину в своих вполне реальных намерениях.

— Послушай, — проворчал он хриплым голосом, — если бы я хотел сделать тебе больно, я бы не объявил о своем приезде, не так ли?

Его осенила мысль. — Если уж на то пошло, так это ты подозрительный, раз ты так и не ответил, когда я кричал раньше! Откуда мне знать, что ты не какой-то убийца, шныряющий по дворцу? делали, ты ужасен в этом, так что, может быть, ты просто заблудился».

Он услышал вздох возмущения. «Я думаю, что я был бы фантастическим, большое спасибо. И я не убийца! Ты ползучая во тьме!»

«Это звучит так, как сказал бы ужасный убийца. И я не жуткий! Я обижаюсь на это, моя госпожа».

«Хорошо, я хотел обидеть. Ты сказал, что я буду ужасным убийцей... и не называй меня леди».

— Хочешь, я буду называть тебя как-нибудь иначе? — любезно спросил Джон. Он знал, что ведет себя по-детски, и чувствовал угрызения совести за то, что так ее разозлил, учитывая, насколько подозрительно она относилась к нему. Он, конечно, тоже ничего не прояснял. Хотя она еще не пыталась бежать или драться, так что, возможно, она еще не определилась с его коварными намерениями.

Ее молчание затянулось, чревато обдумыванием.

Если она не прислушается к разуму, то, возможно, он сможет использовать ее страх против нее. «Я слышал, что в этих туннелях живут крысы величиной с собаку, — небрежно заметил он, — к сожалению, у них развился вкус к человеческому мясу, и они довольно голодны».

— Ты лжешь, — пропищала она.

«Нет, честное слово, — убежденно ответил Джон, — мы потеряли здесь двух конюхов и трех горничных. Нашли только гнилую ногу. Это была кровавая баня».

«Я тебе не верю. Гигантских плотоядных крыс не существует», — ответила она. «Я не идиот».

Говорит потерянная девушка, отказываясь от помощи.

Он сопротивлялся скрежетанию зубами, внезапно осознав, что драгоценные секунды ускользают сквозь его пальцы, пока не стало слишком поздно, чтобы встретиться с лордом Старком наедине, и ему придется сделать это на глазах у публики на пиру. Именно то, чего он хотел избежать.

Имея это в виду, его терпение лопнуло, и он, наконец, вскинул руки и воскликнул: «Знаешь что? Тогда оставайся здесь навсегда. Я просто пытался быть милым, но если ты не доверяешь мне, то не стесняйся». самому опровергнуть существование канализационных крыс. Добрый вечер, миледи. С этими словами он повернулся к ней спиной и начал двигаться к выходу из

туннеля.

Мгновение или два спустя она резко втянула воздух, когда реальность ее затруднительного положения наконец обрушилась на нее.

— Подожди, — услышал он ее крик позади себя. "Подождите, пожалуйста!"

Ухмыляясь, он резко обернулся, чтобы остроумно прокомментировать ее внезапную перемену в сердце, чтобы довериться предполагаемому подонкам, когда почувствовал, как его запястье обхватила теплая и мягкая маленькая ладонь. Это было достаточно невинно, пока Джон не почувствовал, как земля ушла из-под его ног, и острая боль пронзила его между глаз.

И его мир внезапно залился белизной.

<http://tl.rulate.ru/book/80889/2472573>